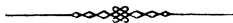

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ.

ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ О. И. БАЕСТА.

1863.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ. Января 11 дня 1863 года.

АКУЛЬКИНЪ МУЖЪ.

РАЗСКАЗЪ КАТОРЖНАГО.

Мѣщанинъ Анкудимъ Трофимовъ былъ богатѣй; бывало выйдетъ на базарь,—всеѣ кланяются, чествуютъ, одно слово богатѣй. Торги имѣлъ.

— Оно по мѣщанству-то промежь нами бѣдно. Голь какъ есть. Бабы-то съ рѣки-то, на яръ, эвона куда воду носятъ въ огородѣ полить; маются-маются, а къ осени и на щи-го не выберутъ. Раззоръ. Ну, займку большую имѣлъ, землю работниками пахаль, троихъ держаль, опять ктому-жъ своя пасѣка, медомъ торговали и скотомъ тоже, и по нашему мѣсту значить

былъ въ великомъ уваженіи. Старъ больно былъ, семьдесятъ лѣтъ, кость-то тяжолоя стала, сѣдой, большой такой. Этга выйдеть въ лисей шубѣ на базарь-то, такъ всѣ-то чествуютъ. Чувствуютъ значить: „Здравствуйте, батюшка, Анкудимъ Трофимычъ!“ — Здравствуй, скажетъ и ты. Никѣмъ то-есть не побрезгаетъ. — „Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ!“ — А какъ твои дѣла? спросить. — „Да наши дѣла, какъ сажа бѣла. Вы какъ, батюшка?“ — Живемъ и мы, скажетъ, по грѣхамъ нашимъ, тоже небо коптимъ. — Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ! „Никѣмъ то-есть не брезгуетъ, а говоритъ — такъ всякое словно его слово въ рубль идетъ. Начетчикъ былъ, грамотѣй, все-то божественное читаетъ. Посадить старуху передъ собой: „Ну слушай, жена, понимай!“ и начнетъ толковать. А старуха-то нето-чтобы старая была, на второй ужъ на ней женился, для дѣтей значить, отъ первой-то небыло. Ну, а отъ второй-то, отъ Марьи-то Степановны, два сына были еще невзрослые, младшаго-то Васю шестидесяти лѣтъ прижилъ, а Акулька-то, дочь изъ всѣхъ старшая значить, восемнадцати лѣтъ была.

— Сначала тутъ Филька Морозовъ набухвостиль. Ты, говоритъ Филька-то, Анкудиму-то, дѣлись; всѣ четыреста цѣлковыхъ отдай, а я работникъ что ли тебѣ? нехочу съ тобой торговать, и Акульку твою, говоритъ, братъ нехочу. Я теперь, говоритъ, закурилъ. У меня, говоритъ, теперь родители померли, такъ я деньги пропью, да потомъ въ наемщики, значить въ солдаты пойду, а черезъ десять лѣтъ фельдмаршаломъ сюда къ вамъ приѣду. Анкудимъ-то ему деньги и отдалъ совсѣмъ какъ есть расчитался,—потому еще отецъ его съ старикомъ-то на одинъ капиталъ торговали.—„Пропавшій ты, говоритъ, человекъ“. А онъ ему:— Ну, еще пропащій-ли я или нѣтъ, а съ тобой, сѣдая борода, научишься шиломъ молоко хлебать. Ты, говоритъ, экономію съ двухъ грошей загнать хочешь, всякую дрянъ собираешь,—не годится ли въ кашу. Я дескать на это плевать хотѣлъ. Копишь-копишь, да чорта и купишь. У меня, говоритъ, характеръ. А Акульку твою все-таки не возьму: я, говоритъ, и безъ того съ ней спалъ....

— Да какъ же, говоритъ, Анкудимъ-то, ты

смѣешь позорить честнаго отца, честную дочь? Когда ты съ ней спалъ, змѣиное ты сало, щучья ты кровь? а самъ и затрясся весь. Самъ Филька рассказывалъ.

— Да нето-что за меня, говорить, я такъ сдѣлаю, что и ни за кого Акулька ваша теперь не пойдетъ, никто невозьметъ, и Микита Григоричъ теперь невозьметъ, потому она теперь безчестная. Мы еще съ осени съ ней на житѣ схватились. А я теперь за сто раковъ не соглашусь. Вотъ на пробу давай сейчасъ сто раковъ — не соглашусь....

И закурилъ-же онъ у насъ, парень! Да такъ, что земля стономъ стоитъ, по городу-то гуль идетъ. Товарищей понабралъ, денегъ куча, мѣсяца три кутилъ, все спустилъ. „Я, говоритъ бывало, какъ деньги всѣ покончу, домъ спущу, все спущу, а потомъ либо въ наемщики, либо бродяжить пойду!“ Съ утра бывало до вечера пьянъ, съ бубенчиками на парѣ ѣздилъ. И ужъ такъ его любили дѣвки, что ужаси. На торбѣ хорошо игралъ.

— Я тогда тоже родителя схоронилъ, а матушка моя пряники значить пекла, на Анкудима

работали, тѣмъ и кормились. Житѣе у насъ было плохое. Ну, тоже заимка за лѣсомъ была, хлѣбушка сѣяли, да послѣ отца-то все порѣшили, потому я тоже закурилъ, братецъ ты мой. Отъ матери деньги побоями вымогалъ....

— Бывало пьянъ, братецъ ты мой, съ утра до ночи. Домъ у насъ еще такъ-себѣ, ничего, хоть гнилой да свой, да въ избѣ-то хоть зайца гоняй. Голодомъ бывало сидимъ, по недѣлѣ тряпицу жуемъ. Мать-то меня бывало костить, костить; а мнѣ чего!.. Я, братъ, тогда отъ Фильки Морозова не отходилъ. Съ утра до ночи съ нимъ „Играй, говоритъ мнѣ, на гитарѣ и танцуй, а я буду лежать и въ тебя деньги кидать, потому какъ я самый богатый человѣкъ“. И чего-чего онъ не дѣлалъ! Краденаго онъ только не принималъ: „я, говоритъ, не воръ, а честный человѣкъ“. „А пойдете, говоритъ, Акулькѣ ворота дегтемъ мазать: потому не хочу, чтобъ Акулька за Микиту Григорыча вышла. Это мнѣ теперь дороже киселя, говоритъ“. А за Микиту Григорыча старикъ еще допрежь сего хотѣлъ дѣвку отдать. Микита-то старикъ тоже былъ вдовецъ. въ очкахъ ходилъ, торговалъ.

Онъ какъ услыхаль, что про Акульку слухи пошли, да и на попятный: „Мнѣ, говорить, Анкудимъ Трифонычъ, это въ большое безчестье будетъ; да и жениться я, по старости лѣтъ, не желаю“. Вотъ мы Акулькѣ ворота и вымазали. Такъ ужъ драли ее, драли за это дома-то.... Марья Степановна кричить: „Со свѣта сживу!“ А старикъ: „Въ древніе годы, говорить, при честныхъ патриархахъ, я бы ее, говорить, на кострѣ изрубилъ, а нынѣ, говорить, въ свѣтѣ тьма и тлѣнѣ“. Бывало сусѣди на всю улицу слышуть, какъ Акулька ревма-реветъ; сѣкутъ ее съ утра до ночи. А Филька на весь базаръ кричить: „Славная, говорить, есть дѣвка Акулька, собутыльница. Чисто ходишь, бѣло носишь; скажи, кого любишь! Я, говорить, имъ такъ кинулся въ носъ: помнитъ будутъ“. Въ то время и я разъ повстрѣчалъ Акульку, съ ведрами шла; да и кричу: Здравствуйте, Акулина Будимовна, салфетъ вашей милости; чисто ходишь, гдѣ берешь; дай поднику, съ кѣмъ живешь!“ Да только и сказалъ. А она какъ посмотрѣла на меня, такіе у ней большіе глаза-то были, а сама похудѣла, какъ щепка. Какъ посмотрѣла на меня; мать-

то думала, что она смѣется со мною, и кричить въ подворотню: „Что ты зубы-то моешь, безстыдница!“ такъ въ тотъ же день ее опять драть, Бывало цѣлый битый часъ дереть, „Засѣку, говоритъ, потому она мнѣ теперь не дочь“.

Мы вотъ какъ это все тогда съ Филькой пьянствовали, мать ко мнѣ и приходитъ; а я лежу. „Что ты, говоритъ, подлець, лежишь? разбойникъ ты, говоритъ, эдакой“. Ругается, значить: „Женись, говоритъ, вотъ на Акулькѣ женись“. Они теперь и за тебя рады отдать будущъ, триста рублей однихъ денегъ дадутъ. А я ей: „Да вѣдь она, говорю теперь ужъ на весь свѣтъ безчестная стала“. — „А ты дуракъ, говоритъ: вѣнцомъ все прикрывается; тебѣ жъ лучше, коль она передъ тобой на всю жизнь виновата выйдетъ. А мы бы ихними деньгами и исправились; я ужъ съ Марьей говоритъ, Степановной говорила. Очень слушаетъ. — А я; „Деньги, говорю, двадцать цѣлковыхъ на столъ; тогда женюсь“. И вотъ вѣришь или нѣтъ, до самой сватьбы безъ просыпу былъ пьянъ. А тутъ еще Филька Морозовъ грозить: „Я тебѣ, говоритъ, Акулькинъ мужъ, всѣ ребра сломаю;

а съ женой твоей, захочу, кажинную ночь спать буду“. А я ему: „Врешь, собачье мясо!“ Ну, тутъ онъ меня по всей улицѣ осрамилъ. Я прибѣжалъ домой: „Не хочу, говорю, жениться, коли сейчасъ мнѣ еще пятьдесятъ цѣлковыхъ не выложутъ!“

Анкудимъ-то и говоритъ: „Вы, говоритъ, голь перекатная“. А я и отвѣчаю: „Не мало, дескать, у васъ дегтемъ-то ворота мазаны“. А онъ мнѣ: „Что жъ, говоритъ, ты надъ нами куражишься? Ты докажи, что она безчестная, а на всякій ротокъ не накинешь платокъ. Вотъ богъ, а вотъ, говоритъ, порогъ; не бери. Только деньги, что забралъ, отдай“. Вотъ я тогда съ Филькой и порѣшилъ: съ Митріемъ Быковымъ послалъ ему сказать, что я его на весь свѣтъ теперь обезчествую, и до самой сватьбы, братецъ ты мой, безъ просыпу былъ пьянъ. Только къ вѣнцу отрезвился. Какъ привезли насъ этта отъ вѣнца, посадили, а Митрофанъ Степанычъ, дядя значить, и говоритъ: „Хоть и не честно, да крѣпко, говоритъ, дѣло сдѣлано и покончено“. Старикъ-то, Анкудимъ-то, былъ тоже пьянъ и заплакалъ; сидитъ,—а у него слезы по бородѣ

текутъ. Ну я, братъ, тогда вотъ какъ сдѣлалъ; взялъ я въ карманъ съ собойъ плеть — еще до вѣнца припасъ—и такъ положилъ, что ужъ натѣшусь же я теперь надъ Акулькой; знай, дескать, какъ безчестнымъ обманомъ замужъ выходить; да чтобъ и люди знали, что я не дуракомъ женился...

По нашему-то мѣсту у насъ тотчасъ же отъ вѣнца и въ клѣтъ ведутъ; а тѣ покамѣсть тамъ пьютъ. Вотъ и оставили насъ съ Акулькой въ клѣти. Она такая сидитъ бѣлая, ни кровинки въ лицѣ. Испужалась значитъ. Волосы у ней были тоже какъ ленъ бѣлые. Глаза были большіе. И все бывало молчить, не слышно ее, словно нѣмая въ домѣ живетъ. Чудная совсѣмъ. Что жъ, братецъ: можешь ты это думать: я-то плеть приготовилъ и тутъ же у постели положилъ; а она, братецъ ты мой, какъ есть ни въ чемъ неповинная передо мной вышла.

Ни въ чемъ; какъ есть честная изъ честнаго дома. И за что же, братецъ ты мой, она послѣ эфтова такую муку перенесла? За что жъ ее Филька Морозовъ передъ всѣмъ свѣтомъ обезчестилъ?

Сталь я это передь ней тогда тутъ же, съ постели, на колѣни, руки сложижь: „Матушка, говорю, Акулина Кудимовна, прости ты меня, дурака, въ томъ, что я тебя тоже за такую почиталъ. Прости ты меня, говорю, подлеца!“ А она сидить передо мной на кровати, глядить на меня: обѣ руки мнѣ на плеча положила, смѣется, а у самой слезы текутъ; плачетъ и смѣется... И тогда, какъ вышелъ ко всѣмъ: „Ну, говорю, встрѣчу теперь Фильку Морозова, и не жить ему больше на свѣтѣ!“ А старики, такъ тѣ ужъ кому молиться-то не знаютъ; мать-то чуть въ ноги ей не упала, воетъ. А старикъ и сказала: „Знали-бъ, да вѣдали, не такого бы мужа тебѣ, возлюбленная дочь наша, искали“. А какъ вышли мы съ ней въ первое воскресенье, въ церковь; на мнѣ смущачья шапка, тонкаго сукна кафтанъ, шаровары плисовыя; она въ новой заячьей шубкѣ, платочекъ шелковый, — то-есть, я ее стою, и она меня стоитъ: вотъ какъ идемъ! Люди на насъ любятъ: я-то самъ по себѣ, а Акулинушку тоже хоть нельзя передь другими похвалить, нельзя и похулить, а такъ, что изъ десятка не выкинешь...

Я послѣ сватьбы, на другой же день, хоть и пьяный, да отъ гостей убежъ: вырвался это я и бѣгу: Давай, говорю, сюда бездѣльника Фильку Морозова; подавай его сюда, подлеца! „Кричу по базару-то! Ну и пьянь тоже былъ; такъ меня ужъ подлѣ Власовыхъ изловили, да силкомъ три человекъ домой привели. А по городу-то толкъ идетъ. Дѣвки на базарѣ промежъ себя говорятъ: „Дѣвоньки, умницы, вы что знаете? Акулька-то честная вышла“. А Филька-то мнѣ, мало время спустя, при людяхъ и говоритъ: „Продай жену,—пьянь будешь. У насъ, говоритъ, солдатъ Яшка затѣмъ и женился: съ женой не спалъ, а три года пьянь былъ“.—Я ему говорю: „Ты подлецъ!“—„А ты, говоритъ, дуракъ. Вѣдь тебя нетверезаго повѣнчали. Что жъ ты въ эфтомъ дѣлѣ, послѣ того, смыслить могъ?“ Я домой пришолъ и кричу! „Вы, говорю, меня пьянаго повѣнчали!“ Мать было тутъ же вцѣпилась: „У тебя, говорю, матушка, золотомъ уши завѣшаны. Подавай Акульку!“ Ну и сталъ я ее трепать. Трепалъ я ее братъ, трепалъ, часа два трепалъ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился; три недѣли съ постели не вставала.

Ужъ обидно стало мнѣ очень: люди совсѣмъ задразнили, и всему то этому коноводъ былъ Филька. — „У тебя, говорить, жена для модели, чтобы люди глядѣли. Насъ гостей созвалъ; такую откупорку задалъ: „Супруга, говорить, у него милосердивая душа, благородная, учтивая, обращательная, всѣмъ хороша, въ какъ у него теперъ! А забылъ, парень, какъ самъ ей дегтемъ ворота мазалъ?“ Я-то пьянъ сидѣлъ; а онъ какъ схватитъ меня въ ту пору за волосы, какъ схватитъ, пригнулъ книзу-то: „Пляши, говорить, Акулькинъ мужъ; я тебя такъ буду за волосы держать, а ты пляши, меня потѣшай!“ — „Подлецъ ты, кричу!„ А онъ мнѣ: „Я къ тебѣ съ компаніей приѣду и Акульку, твою жену, розгами при тебѣ высѣку, сколько мнѣ будетъ угодно“. Такъ я—вѣрь не вѣрь, послѣ того цѣлый мѣсяць изъ дому боялся уйти: приѣдетъ думаю, обезчествуетъ. Вотъ за это самое и сталъ ее бить.

Обидно было; опять же эту привычку взялъ; иной день съ утра до вечера быю: встала неладно, пошла нехорошо. Не побью, такъ скучно. Сидитъ она, быгало, молчитъ, въ окно смо-

трить, плачетъ... все, бывало, плачетъ: жаль ее этго станеть, а бью. Мать меня, бывало, за нее костить-костить: „Подлецъ ты, говоритъ, варначье твое мясо!“— „Убью, кричу;—и не смѣй мнѣ теперь никто говоритъ: потому меня обманомъ женили“. Сначала старикъ Анкудимъ-то вступался, самъ приходилъ: „Ты, говоритъ, еще не богъ-знаеть какой членъ; я на тебя и управу найду! А потомъ отступилъ. А Марья-то Степановна такъ смирилась совсѣмъ. Одноважды пришла, слезно молитъ: „Съ доукой къ тебѣ Иванъ Семемычъ; статья небольшая, а просьба велика. Вели свѣтъ видѣть, батюшка!“ Кланяется: „Смирись, прости ты ее! Нашу дочку злые люди оговорили; самъ знаешь, честную бралъ...“ Въ ноги кланяется, плачетъ. А я-то куражусь: Я васъ и слышать теперь не хочу! Что хочу теперь, то надъ всѣми вами и дѣлаю: потому я теперь въ себѣ не властенъ; а Филька Морозовъ, говорю, мнѣ пріятель и первый другъ....

Филька въ ту пору совсѣмъ какъ есть опился. Все свое порѣшилъ и въ наемшики у мѣщанина нанялся: за старшого сына пополь. А ужъ, по нашему мѣсту, коли наемшикъ, такъ

ужь до самаго того дня, какъ свезуть его, все передъ нимъ въ домѣ лежать должно, а онъ надъ всѣмъ полный господинъ. Деньги при сдачѣ получаетъ сполна, а до того въ хозяйскомъ домѣ живетъ. По полугоду живутъ, и что только они тутъ настроютъ надъ хозяевами-то, такъ только святыхъ вонъ понеси! Я, дескать, за твоего сына въ солдаты иду, значитъ вапъ благодѣтель; такъ вы всѣ меня уважать должны; нето откажусь. Такъ Филька-то у мѣщанина-то дымъ коромысломъ пустилъ, съ дочерью спитъ, хозяина за бороду кажинный день послѣ обѣда таскаетъ — все въ свое удовольствіе дѣлаетъ. Кажинный день ему баня, и чтобъ виномъ паръ поддавали, а въ баню его чтобъ бабы на своихъ рукахъ носили. Домой съ гулянки воротится, станетъ на улицѣ: „Не хочу въ ворота, разбирай заплоть!“ Такъ ему въ другомъ мѣстѣ, мимо воротъ, заплоть разбирать должны; онъ и пройдетъ. Наконецъ кончилъ; повезли сдавать, отрезвили. Народу-то, народу-то по всей улицѣ валитъ: Фильку Морозова сдавать везуть! Онъ на всѣ стороны кланяется. А Акулька на ту пору съ огорода шла. Какъ Филька-то увидалъ

ее, у самых наших воротъ: „Стой“, кричитъ, выскочилъ изъ телѣги, да прямо ей земной поклонъ: „Душа ты моя, говоритъ, ягода; любилъ я тебя два года, а теперь меня съ музыкой въ солдаты везутъ. Прости, говоритъ, меня, честнаго отца честная дочь, потому я подлець передъ тобой, во всемъ виноватъ!“ И другой разъ въ землю ей поклонился. Акулька-то стала, словно испужалась сначала; а потомъ поклонилась ему въ поясъ, да и говоритъ: „Прости и ты меня, добрый молодець; а я зла на тебѣ никакого не знаю“. Я за ней въ избу: „Что ты ему, собачье мясо, сказала?“ А она, вотъ вѣришь мнѣ иль нѣтъ, посмотрѣла на меня: „Да я его, говоритъ, больше свѣта теперь люблю.

Я въ тотъ день цѣлый день ей ни слова не говорилъ. Только къ вечеру: „Акулька! я тебя теперь убью“, говорю. Ночь-то этто не спится; вышелъ въ сѣни, кваску испить; а тутъ и заря заниматься стала. Я въ избу вошоль. „Акулька, говорю, собирайся на заимку ѣхать“. А я еще и допрежь того собирался, и матушка знала, что поѣдемъ. „Вотъ это, говоритъ, дѣло: пора страдная, а работникъ, слышно, тамъ третій

день животомъ лежить“. Я телѣгу запрегъ, молчу. Изъ нашего-то города какъ выѣхать, тутъ сейчасъ тебѣ боръ пойдетъ на пятнадцать верстъ, а за боромъ-то наша заимка. Версты три боромъ проѣхали; я лошадь остановилъ: „Вставай, говорю, Акулина; твой конецъ пришолъ“. Она смотритъ на меня, испужалась, встала передо мной, молчитъ.— „Надоѣла ты мнѣ, говорю; молись богу!“ Да какъ схвачу ее за волосы; косы-то были такія толстыя, длинныя; на руку ихъ замоталъ, да сзади ее съ обѣихъ сторонъ колѣнками придавилъ, вынулъ ножъ, голову-то ей загнулъ назадъ, да какъ тилисну по горлу ножомъ... Она какъ закричитъ, кровь-то какъ брызнетъ, я ножъ бросилъ, обхватилъ ее руками-то спереди, легъ на землю, обнялъ ее и кричу надъ ней, ревма-реву; и она кричитъ, и я кричу; вся трепещетъ, бьется изъ рукъ-то, а кровь-то на меня, кровь-то и на лицо-то, и на руки такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. Бросилъ я ее, страхъ на меня напалъ, и лошадь бросилъ, а самъ бѣжать, бѣжать, домой къ себѣ по задамъ забѣжалъ, да въ баню: баня у насъ такая

старая, неслужащая стояла; подъ полокъ забился и сижу тамъ. До ночи тамъ просидѣлъ.

Акулька-то знать послѣ меня встала и тоже домой пошла. Такъ ее за сто шаговъ ужъ отъ того мѣста потомъ нашли. Мертвую повечеру-то нашли. Дали знать; меня стали искать, и розыскали ужъ къ ночи, въ банѣ... Вотъ ужъ четвертый годъ здѣсь живу,

---

Вотъ какъ люди гибнуть!

А вѣдь надо ужъ все сказать, вѣдь этотъ народъ—необыкновенный народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то кто виноватъ?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

1. Въ дорогѣ. (Стихотвореніе Некрасова).	Срѣдѣ	3
2. Забытая деревня. (Стихотвореніе Некрасова)		7
3. Небывалая рыба и особаго устройства машина. (Взято изъ Очерковъ фабричной жизни, Галицянскаго)		9
4. Вино. (Стихотвореніе Некрасова)		31
5. Бурлакъ. (Отрывокъ изъ стихотворенія Никитина)		37
6. Огородникъ. (Стихотвореніе Некрасова)		37
7. Развеселое житіе. (Взято изъ разсказа Щедрина)		41
8. Сѣченый. (Изъ журнала Грамотѣй)		83
9. Акулькинъ мужъ. (Изъ разсказа ваторжнаго въ запискахъ изъ мертваго дома Ф. Достоевскаго)		108
